

СПЕЦНАЗ. СПЕЦИАЛЬНОЕ ПОДАРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ

АЛЕКСАНДР ЗВЯГИНЦЕВ

ВСЕ РОМАНЫ О ЛЕГЕНДАРНОМ МАЙОРЕ СПЕЦНАЗА

**МОСКВА
2017**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-45

Звягинцев, Александр Григорьевич.
3-45 САРМАТ. Все романы о легендарном майоре спецназа / Александр Звягинцев. — Москва : Эксмо, 2017. — 736 с. — (Спецназ. Подарочные издания).

ISBN 978-5-699-96064-4

В Никарагуа он был известен как капитан сандинистов Хосе Алварес, в Анголе — как лейтенант Санчес, в Мозамбике — как капитан Кригс. На самом же деле этот герой тайных войн, способный выполнить любое, самое невероятное задание командования, — русский майор спецназа Сарматов по прозвищу Сармат. Этот мускулистый высокий человек с лицом, обезображенным шрамами, был не единожды ранен, он терял память, его не раз предавали и мечтали убить — ведь живой Сармат очень опасен! Но он выживал вопреки всему и снова возвращался в кепло войны, чтобы посмотреть в глаза тех, кто его предал, и свести счеты с врагами... По мотивам замечательных романов о Сармате был снят 12-серийный сериал, мгновенно завоевавший всеобщее признание. В фильме снимались такие широко известные актеры, как Александр Песков, Аристарх Ливанов, Владимир Конкин, Ольга Кабо и другие. Главную роль сыграл безвременно ушедший из жизни Александр Дедюшко — талантливый актер, которого в нашей стране без преувеличения любили...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96064-4

© Звягинцев А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2017

551 2221 00

55 212 43001

**Группа первая,
резус положительный**

151 5821 00

**МОСКВА,
4 мая 1988 года**

Седеющий генерал склонился над картой. Узловатый палец уперся в кружок на стыке ущелий, переходящих в закрашенную зеленым цветом равнину.

— Вот здесь кишлак, майор. Понимаешь, места там глухие, нами и хадовцами никогда не контролировались. До пакистанской границы, если верить карте, километров десять. — Грузный седовласый генерал искоса посмотрел на стройного, атлетического сложения мужчину в ладно сидящем костюме.

— Считаете, что карта ненадежна? — спросил тот.

— Как сказать... Скопирована с английских карт времен англо-афганской войны.

— Ну, тогда верить можно! — кивнул его собеседник и также начал водить пальцем по нарисованным извилинам. Не так просто поверить в то, что где-то далеко в точном соответствии с этими неправдашными линиями существуют реки, дороги, ущелья и горы. — Это тропа на Пешавар? — наконец спросил он у генерала.

— Была тропа. Теперь это грунтовая дорога, по которой из Пешавара к «духам» идут караваны с оружием.

— Штатники пешком ходить не любят — скорее всего, он придет на джипе, — задумчиво сказал мужчина и повернулся к высокопоставленному собеседнику. — Уточните боевую задачу, товарищ генерал.

Генерал бросил слегка настороженный взгляд на дверь кабинета и, понизив голос, произнес:

— Полевых командиров можно и убрать... Они — дело десятое. Главное для нас — американец, понимаешь? Его живым нужно взять — и только живым! Кстати, портрет его имеется. Взгляни...

На цветном фото — полковник «зеленых беретов» армии США: широкий разворот плеч, солидная колодка орденских планок на мундире и

белозубая американская улыбка, будто насильно приклеенная к мужественному, волевому лицу и оттого выглядящая неестественно.

Майор, взглянув на фото, произнес:

— Где-то я уже встречался с этим улыбчивым полковником.

— Вполне возможно, — усмехнулся генерал.

— Имя известно?

— Имен у него более чем достаточно! В Анголе — Смит, в Мозамбике — Браун, в Никарагуа — Френсис Корнел. А настоящее имя узнаем, когда ты мне его сюда доставишь. — Генерал кивнул на окно, за которым багровели в весеннем мареве кремлевские башни. — Вынь, понимаешь, да положи им этого американца! Для чего он им так понадобился, даже я не могу взять в толк. Но, судя по всему, майор Сарматов, тебе и твоим архаровцам предстоит задание особой государственной важности. Государственной, понимаешь?!

— Постараемся оправдать ваше доверие, товарищ генерал! — отчеканил майор и принялся снова рассматривать фотографию. — Встречался я с ним, точно знаю! Но где, когда?..

— Я бы на твоём месте не удивлялся: Ангола, Мозамбик, Ливан, Никарагуа... Где ты, там и он. — Генерал бросил на майора насмешливый взгляд. — Уж не судьба ли, Сармат, за тобой по белу свету рыщет?..

— Я в судьбу не верю, товарищ генерал, — пожал плечами тот. — Доверять промыслу судьбы в нашей работе — дело недопустимое.

Улыбка медленно растаяла на лице генерала, и он не спеша начал вышагивать взад-вперед по кабинету.

— Будем говорить серьезно, майор. Скорее всего, этот янки — специалист по нашей тактике. Там, где он объявляется, жди активизации противостоящих нам сил. В Пешаваре на нем координация действий «духов», причем он находит язык с полевыми командирами разной политической окраски. За ним охотились ребята из «Штази» и молодцы Кастро, но им он оказался не по зубам. Теперь твоя очередь рискнуть!

Майор кивнул и повернулся к карте.

— Что-то тебя смущает, майор?

— Есть одна незначительная деталь, которая не дает мне покоя, — с усмешкой ответил тот. — А именно — близость пакистанской границы.

— Ты, как всегда, прав. Эта незначительная, как ты выразился, деталь существенно усложняет дело. Потому и посылаю тебя...

Майор пристально посмотрел на генерала, в глазах его отразилась напряженная работа мысли.

— Когда у них сбор в этом кишлаке? — наконец спросил он.

— Разведка сообщает: в ночь на девятое мая.

Майор резко развернулся и, с трудом скрывая раздражение, с некоторой долей растерянности сказал:

— Товарищ генерал, вынужден напомнить вам, что моя группа после очередного выполненного задания еще даже не успела приступить к реабилитации...

— Знаю, — мрачней лицом, прервал его генерал. — Все я понимаю, майор, знаю, что твои мужики пашут как ломовые! — кивнул он в сторону окна. — И этот вопрос поднимался, когда мы совещались, советовались там... с ответственными товарищами. Однако, несмотря на все «против», решение было единогласным — идти тебе. Расчет тут, понимаешь, простой — твое умение ювелирно работать вслепую. Ведь в данном случае мы не имеем никакой возможности тщательно подготовить операцию...

— Утешили, товарищ генерал!.. Нечего сказать! — сердито прищурился майор.

— Не кипятись, Сармат. Ничего не поделаешь. Ты и твоя группа — лучшие, а это значит, что вы всегда будете нужны, и никому зачастую не будет дела до того, отдыхаете ли вы вообще когда-нибудь или нет.

Генерал вздохнул, сочувственно окинул майора цепким взглядом и не спеша продолжил:

— Есть еще одна новость, которая, я чувствую, не очень-то тебя обрадует. В группу прикрытия к тебе назначен капитан Савелов из параллельного управления...

— Кто?.. Савелов? — Лицо майора окаменело.

— Знаешь ведь его?

— Встречались... — выдавил Сармат. — Скажите, товарищ генерал, мое мнение о капитане Савелове может иметь значение?..

— Имеет значение его мнение о тебе! Знаешь, чей он зять?..

— Не знаю и не хочу знать, но...

— Никаких «но»! Между прочим, Савелов сам к тебе напросился.

— Странно!.. — криво усмехнувшись, произнес майор.

Генерал положил руку ему на плечо и, покосившись на дверь, тихо, с просительными нотками в голосе сказал:

— Не помешает тебе Савелов. Ты уж притащи этого американца,

а?.. С себя Золотую Звезду сниму — на твою грудь повешу. Я помню — тебе Звезда еще за Никарагуа полагалась, да вот, понимаешь... Очередь, как сказали, не дошла!..

— Ладно, товарищ генерал. За Звезду я не в обиде...

— Что царям да псарям до наших обид, Сармат! — обронил генерал и нажал кнопку сбоку стола. Затем он наклонился к самому лицу майора так близко, что тот явственно различил запах хорошего французского одеколона, вьезшийся в бритые щеки начальника, и произнес тихо, но с непререкаемой убежденностью в голосе: — Они, цари и псари, приходят и уходят, Сармат, а мы с тобой остаемся... Ты помни про это!..

В дверях появился офицер с подносом в руках. Генерал кивком отпустил адъютанта, и тот так же бесшумно, как и вошел, покинул кабинет. Генерал кивнул на стул, приглашая майора присесть:

— Кофе?

— Спасибо! Не употребляю, товарищ генерал.

— После Никарагуа? — усмехнулся тот и достал из стола бутылку марочного коньяка. — Вас сколько человек туда послали?

— Девяносто семь, — отчеканил майор.

— А вернулось?

— Тридцать шесть.

Генерал тяжелым взглядом посмотрел на чашку черного кофе и внезапно резко отодвинул ее дрогнувшей рукой, так, что кофе выплеснулся через край и растекся на полированной поверхности стола небольшой темной лужицей. Генерал хрипло выдавил из себя:

— Скольких ребят там положили — и что?.. Все впустию!.. И впрямь этот кофе на крови!

Тревожная, гнетущая тишина повисла в кабинете. Каждый думал о своем. Внезапно генерал передернул плечами, будто пробуждаясь после сна, и, откашлявшись, протянул руку к бутылке. Разлив коньяка, он решительно оторвал от стола свою наполненную всклень рюмку:

— Давай помянем всех, что ли...

— Нет, товарищ генерал! Вот вернусь с задания — тогда... Тогда уж всех сразу...

Генерал хмуро кивнул в ответ, покачал головой и, опрокинув в рот рюмку, резко и отрывисто произнес:

— В общем, так... Приказываю: американца взять живым, и только живым! Не считаясь с потерями... И вот еще что: лишних вопросов ему не задавать!..

— Разрешите приступить к выполнению задания? — вытянулся майор по стойке «смирно».

— Приступай! Сценарий операции в оперативном отделе. Толку от него, скорее всего, будет немного, но там старались... И еще... Поаккуратней там с этим Савеловым, а то, понимаешь, потом не отмоешься... Но главное — на пакистанскую сторону и щепки не должно перелететь! Сам знаешь — Женевские переговоры... Там, если что случится, такое раздуют, что головы на всех уровнях полетят.

— Я не бог. Но то, что от нас зависит, сделаем, товарищ генерал!..

— Не бог!.. — усмехнулся генерал. — Ты бог, Сармат! Бог войны! Иди, иди и не забывай, о чем мы тут с тобой говорили!..

— Есть! — выдохнул Сарматов и, повернувшись через левое плечо, почти армейским шагом покинул кабинет.

ВОСТОЧНЫЙ АФГАНИСТАН, 7 мая 1988 года

Барражирующий над угрюмыми хребтами вертолет кажется крошечной точкой, комариком в беспредельном, полыхающем кровавыми закатными сполохами азиатском небе. Затянутые туманом ущелья, снежные вершины и горные разломы уходят под брюхо вертушки, а им на смену выплывают бирюзовые квадраты посевов, со всех сторон обступающие низкие глинобитные кишлаки, светлые полосы арыков и красные полотнища цветущего мака.

Круглолицый синеглазый летчик, окинув взором нескончаемые поля мака, крикнул второму пилоту:

— А мака-то, мака сколько!.. Видать, на опиум сеют!

— Азия!.. Гиблый край! — крикнул тот в ответ. — Отсюда «дурь» по всему миру расходится.

— А ты ее пробовал?

— Как-то с ребятами в училище, ради интереса, приходилось.

— И как она?

— Наутро голова тяжелая, хуже, чем с бодуна...

Синеглазый пилот засмеялся — улыбка сделала его лицо совсем юным — и запел во все горло:

— ...Ну, а у нас на родине, в Рязани, вишневый сад расцвел, как белый дым...

Увидев появившегося в проеме двери в камуфляжной форме, с парашютной укладкой — рюкзаком за плечами Сарматова, синеглазый пилот перестал петь и, перехватив его взгляд, показал на часы и крикнул:

— Порядок, пехота, идем по графику!

Сарматов наклонился к самому его уху и спросил:

— Капитан, что делают летуны, когда вертушка в ступор входит?

— Отрывают себе яйца, — отшутился пилот.

— Зачем?

— Больше не пригодятся! — смеясь, ответил синеглазый.

Сарматов властно притянул к себе его голову и крикнул:

— Чтобы они при тебе остались, капитан, если десятого в семь по нулям нас с воздуха на точке рандеву не увидишь... к скалам поближе — и рви когти, сечешь?..

— Ты чего, майор? — растерянно переспросил синеглазый.

— Я-то ничего, а вот пакистанские «фантомы» — это уже кое-что. Понял, Рязань косопузая?..

— А как же вы?..

— Мы-то?.. А нам у соседа грушу обтрясти, как два пальца об асфальт! — засмеялся Сарматов и, хлопнув пилота по спине, ушел обратно в салон.

В салоне двенадцать дюжих мужчин. Все они одеты в такую же камуфляжную форму, что и Сармат; у тех, что бодрствуют, усталые глаза, в которых роковой печатью отмечена и тревога, и решительность бывалых бойцов. А четверо, прислонившись спинами друг к другу, безмятежно спали, сидя на полу: гигант с детскими припухлыми губами и густой черной шевелюрой — старший лейтенант Алан Хаутов; цыганского, разбойного обличья, только серьги в ухе не хватает, — капитан Бурлаков, для товарищей просто Ваня Бурлак; с оспенной рябью на скуластом лице и мощной бычьей шеей — подрывник лейтенант Сашка Силин по прозвищу Громыхала. Он шевелил во сне губами, будто читал невидимую книгу, вздрагивал, время от времени открывал глаза, но тут же снова погружался в забытие. Сарматов перевел взгляд с него на разбросавшего длинные ноги мужественного красавца лейтенанта Шальнова, потом на спину сидящего у блистера капитана Савелова. Словно почувствовав взгляд, Савелов повернулся, поднял на Сарматова вездливые серые глаза и сел перед ним на корточки.

— Игорь, мне передали, что ты не в восторге от моего назначения

в группу... Может, настало время расставить все точки над «и» и определиться в наших отношениях? — сказал он и добавил: — Сам понимаешь, дело нам предстоит непустячное и разлад в группе только добавит новых проблем.

— Наши отношения определены уставом и служебными инструкциями, капитан, — пожал плечами Сарматов и отвернулся от его ждущих глаз.

На красивое, точно скопированное с античных монет лицо Савелова легла тень раздражения и неудовлетворенности.

— Зря ты так, Игорь, — огорченно сказал он.

Сарматов показал на часы.

— Пилить еще час и семь минут — советую этот час спать. Поставить крест на всей прошлой жизни и спать! А наши с тобой отношения определит... бой. Теперь он для нас и генеральный прокурор, и верховный судья...

Савелов хмуро кивнул и вернулся к блистеру, где, устроившись поудобнее, попытался заснуть. Сарматов привалился к вибрирующему борту и тоже закрыл глаза.

Только плохо спалось бравому майору. И не о будущей операции думал он. Все мысли Сармата были в прошлом. Так всегда, перед предстоящей акцией сознание как бы намеренно переносило его в то спокойное время, когда еще не было никаких особых резонсов опасаться за свою жизнь. Быть может, это сработала система самосохранения организма. Таким образом человеческая психика защищалась от внешних раздражителей, способных не просто подорвать, а полностью исковеркать ее.

Поэтому вместо картин грядущих сражений видел майор Сарматов алеющие в степи нежные венчики лазориков... Из своего далекого детства.

СРЕДНИЙ ДОН, май 1959 года

Пелена утреннего розового тумана укрывает прибрежные левяды и заречные плавни. С крутояра кажется, что река наполнена не весенней мутной водой, а парным, пенным, дымящимся молоком. Масляно переливаются в нем солнечные блики, расплываются дробящиеся кругами, когда пудовый сазанище выпрыгивает на поверхность,

чтобы миг один глотнуть настоящего на емшан-траве горького воздуха и снова уйти в темную глубину.

Не потерявший былой силы и стати громадный старик с седыми усами и гривой белых как снег волос тронул черенком нагайки пацаненка, застывшего с открытым ртом от созерцания этой земной красоты, и со спрятанной в усах улыбкой сказал:

— Полюбовался Доном Ивановичем, и будя! А то всех коней разберут, а тебе лошадь достанется.

— Деда, а чем конь отличается от лошади? — спросил вихрастый мальчуган, попевая бегом за широким дедовским шагом.

— Брюхом! — ответил старик, направляясь к стоящей на горе конюшне.

Перед конюшней, в загоне, с десятков заморенных, вислобрюхих лошадей тянулись к подошедшим мосластыми мордами, на которых светились скорбным светом всепонимающие глаза. Сморгнувшись, старик отвернулся от них и сердито спросил у корявого, заросшего щетиной мужика, от которого так разило перегаром, что, казалось, даже мошкара падала вокруг замертво:

— Почто животину заморили — ни в стремя, ни в беремя теперича ее?!

— Дык в колхозе-то ни фуража, ни сена, в зиму-то лишь солома ржавая! — ответил тот, часто моргая мутными глазами.

— Брешешь, чудь белоглазая! — подал голос невесть откуда взявшийся коренастый старик в длинной вытертой кавалерийской шинели. И, обращаясь к деду, сообщил: — Пропили они с бригадиром да ветеринаром и фураж, и сено...

— Не пойман — не вор! — взвился корявый.

— Вор! — гневно крикнул в ответ старик и вновь повернулся к деду. — В казачье время за такое сверкали бы на майдане голыми сраками...

— Дык время ноне не ваше — не казачье, а наше — народное! Накось выкуси! — крикнул корявый и сунул впереди себя грязный волосатый кулак.

— Цыц, возгря кобылья! — гаркнул на него старик в шинели и для острастки замахнулся нагайкой. — Понавезли вас!..

Мужик на глазах потерял всю свою смелость и с явной поспешностью скрылся в темноте конюшни, а старик в длинной шинели стоял и внимательно всматривался в лицо деда.

— Никак Платон Григорьевич? — наконец после длительного молчания недоверчиво спросил он.

— Здорово ночевали, э... Кондрат Евграфович! — несколько ошеломленно ответил дед, протягивая ему руку. — Не гадал встренуться, паря. Думал, сгинул ты в колымских краях.

— Летось ослобонили по отсутствию состава преступления.

— Гляди-ка! А за то, что, почитай, вся жизнь псу под хвост, спрос с кого?

— Расказачивание... мол, перегиб и все такое. Сталин, мол, виноват — с него и спрос, — невесело усмехнувшись, ответил старый дедов знакомец.

— Да-а, лемехом прошлась по нам, казакам, Россия!.. — вздохнул дед.

— Чего там гутарить! Она для своих-то, русских, хуже мачехи, а уж для нас-то, казаков! За тридцать лет насмотрелся я на нее... Хучь спереди, хучь сзади — одно дерьмо! — неприязненно передернув плечами, сказал старик.

Старые знакомые сели на грубую, сколоченную из неровных подгнивших досок лавку перед конюшней, завернули самокрутки и продолжили свой невеселый стариковский разговор. Мальчонка пристроился рядом с дедом и жадно ловил каждое слово.

— А я, как сейчас, помню, Платон Григорьевич, тебя и батяню мово, Евграфа Кондратица, царство ему небесное, в погонах есаульских золотых, при всех «Егориях», — сказал старик в шинели и наклонился к деду ближе. — Сказывал один в ссылке, что это ты достал шашкой комиссара, который батяню твою в распыл пустил...

— Чего гутарить о том, что было? — проронил дед и, глядя куда-то в задонские дали, со вздохом добавил: — То все быльем-ковылем поросло, паря...

— И то верно! — согласился Кондрат Евграфович и мягко сменил тему разговора: — А сыны твои где? Прохор, Андрей, погодок мой, Степа?.. По белу свету, чай, разлетелись?

— Разлетелись! — кивнул дед. — В сорок первом, в октябре месяце, когда германец к Москве вышел, под городом Яхромой сгуртовались казаки и по своей печали прорвали фронт и ушли гулять по немецким тылам. Добре погуляли! Аж до Гжатска, почитай, дошли... Как говорится, гостей напоили допьяна и сами на сырой земле спать улеглись. Не вернулись мои сыновья с того гульбища. Все трое не вернулись. И могилы их не найти, лишь память осталась.